

Лариса ДОЛИНА: "У Шнитке я была Люцифером"

По большой дружбе мы получили от известной певицы Л. Долиной отрывок из ее дневниковых записей. Сама певица, которой есть что вспомнить и что сказать, предполагает собрать их в одну книгу. Но, по ее же словам, "до этого еще о-чень далеко". **Выступление Долиной в новом качестве нам показалось неожиданным и интересным.**

Шнитке позвонил мне поздно ночью. Спустя годы, проматывая заново пленку своей жизни, я отметила для себя, что все самое важное у меня начиналось ночью. Наверное, так происходит у всех творческих людей, когда суeta дня спадает, а нерв созиданья обостряется.

- Лариса, я боюсь вас напугать, - Шнитке говорил осторожно, - мне жизненно необходим ваш голос.

Последняя фраза прозвучала мистически, как "мне нужна ваша жизнь".

На следующий день я получила партитуру и либретто своей партии в "Истории доктора Фауста". Мне предстояло спеть Призрак Мефистофеля.

Репетировали долго. Шнитке нервничал. Все-таки первый показ кантаты в Союзе после триумфа в Германии, Англии, Италии на лучших оперных сценах с лучшими солистами. На Западе Альфред Гарриевич гремел, а на родине оказался не нужен. И было очень важно, чтобы премьера прошла на уровне.

Я выполнила все его пожелания: достала из чулана старое черное платье с оторванным рукавом, нашла жуткого вида накидку, на свалке вырыла из кучи мусора какие-то перья, начесала волосы, намазала черным глаза. И в таком ужасающем обличье предстала перед

рафинированной публикой, пришедшей посмотреть, что за чудо этот Шнитке.

Публику я все же напугала. Бегая по залу, я широко раскрывала глаза, орала что есть мочи и к концу спектакля почувствовала, что сама нахожусь на грани сумасшествия. Я потеряла самоконтроль, превратилась в черную силу. На коде я, к своему ужасу, поймала себя на мысли, что мне хочется всех искушать. Этих ощущений я не забуду никогда в жизни.

Думаю, что, если бы был второй спектакль, я попала бы в психушку. Но на следующий день после премьеры Шнитке вызвали в обком партии, обвинив его в пропаганде зла и насилия, все закрыли.

Альфред Гарриевич тяжело пережил начавшуюся кампанию его травли. С ним случился инсульт, чуть не доведший его до паралича. Некоторое время он даже не мог разговаривать.

Так Россия теряла великого художника. Я бы сказала, еще одного великого художника. Шнитке уехал туда, где его понимали.

Мне же осталась его похвала, которой я буду гордиться до конца своих дней. По окончании спектакля Альфред Гарриевич нашел меня, забившуюся под пожарную лестницу за кулисами с одурманенными от музыки глазами.

- Лариса! Я в жизни еще не видел такого отрешения и отдачи... Лучшей певицы, чем вы, у меня еще не было.

Я дорожу этими словами и часто их вспоминаю, если даже и звучат они из моих уст не совсем скромно.

Вспоминая эту десятилетней давности историю, я думаю о том, что сейчас, наверное, не приняла бы подобного предложения. После такого невозможно вернуться к тем песням, что я пою сейчас на эстраде.

("Аргументы и факты").